

Травма как условие формирования национальной идентичности

Определение травмы достаточно обширно, поскольку подходов к изучению травмы может быть множество. Многие авторы рассматривают травматический опыт своих пациентов как условие ограничения их полноценного психического здоровья, но травма может иметь и продуктивный смысл: она создает новые реалии, новые воспоминания событий, которых в действительности не было. Более того, травма может быть не только частью индивидуальной психики: способность сопереживать и принимать на себя боль других людей позволяет травме проникать и в чужое бессознательное, а если травматический опыт был пережит группой людей, то он может уже считаться коллективным. «Для философии имеет значение не собственно травма как отдельный вид человеческого опыта, но скорее травма как условие становления человека вообще и как предпосылка формирования познавательного интереса в частности. В после-фрейдовском психоанализе, и прежде всего у Ж. Лакана, трагический опыт лишения, нехватки, символической «кастрации» является основополагающим для человека в мире, изначально предполагая расщепленность субъекта и недоступность для него объектов его желания, опосредованных языком» [1].

Коллективная травма может служить не только способом объединения людей (известны случаи, когда люди, выжившие после катастрофы вместе, становились очень близки, они часто встречаются и проводят совместную терапию преодоления травмы), но и способом их отделения: те, кто пережил травму, от тех, кто, условно говоря, там не был. Мы приходим к интересной мысли: коллективная травма может служить объединением людей в группу и их обособлением, выделением, наделением особым статусом по сравнению с «другими». Таким образом, травматичный опыт, ушедший в бессознательное,

воспроизводится зачастую для сохранения единства группы. Это справедливо и для травмы национального масштаба: целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве (символическом или реальном) опыта травмы и постоянном рассказе (или умолчании) о ней.

Таким образом, может возникнуть вопрос, как исторические события влияют на то, что происходит после них в сферах, напрямую не связанных с локализацией травмы? Это очень интересный аспект: травма, фиксируясь в умах людей, дает им основу для консолидации, для сопоставления и сопереживания своего опыта. От травмы, на самом деле, не избавляются, поскольку ее консолидирующая роль крайне важна для самосознания, для самоопределения нации. «Попытка зафиксировать место и значение травматического опыта в словах, смыслах, вещах или ритуалах нередко приобретает форму травматической телеологии («И пережить ей ужас доведется»). Опыт травмы, т. е. опыт утраты, потери, разрыва, превращается в повествовательную матрицу, в нарратив, придающий логику связного сюжета раздробленным фактам индивидуальной или коллективной биографии. В отличие от травмы-как-утраты травма-как-сюжет является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого: травма задает здесь общую систему повествовательных координат. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее» [2, с. 9].

Получается, что травма, имея нарративную природу, дает возможность существовать другим нарративам: отрицающим, поддерживающим, переосмысливающим или скрывающим травму. Таким образом, травма может проявляться вследствие того, что она существует только в нарративе, а нарратив требует языка. Язык же, в свою очередь, не существует без Другого. Как только Другой появляется, и с ним есть общение (которое может быть и опосредованным), язык и психика оказываются тесно связаны. А значит, и травма из области психики обязательно так или иначе переходит в язык. «Вероятно, любая одушевленная материя может быть травмирована; реакция

на повреждение защитной системы человека происходит, скорее всего, на общем психосоциальном уровне. Признание и язык есть взаимодействующие социальные процессы; ни психика, ни язык невозможны без другого человека» [3, с. 786]. Итак, травматичный опыт нации, народа или отдельного человека, фиксируется не только в бессознательном, но и в языке; имея нарративную природу, травма рождает множество дискурсов, в том числе и воспроизводящих травму, при этом травматичное событие может стать объединяющим для целой нации.

Обратившись к философскому, культурологическому и психологическому аспектам в теории травмы, мы определили, что травматический опыт может быть описан как условие становления человеческой индивидуальности, как предпосылка формирования познавательного интереса с точки зрения ее интегрирующей и консолидирующей силы, как повествовательная матрица, нарратив. Иными словами, травматичный опыт, ушедший в бессознательное, может служить нарративом для сохранения единства группы, что справедливо и для исследования травмы национального масштаба, так как целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве опыта травмы, постоянном рассказе или умолчании о ней.

Литература

1. Новая философская энциклопедия // Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3039.html> (дата обращения 20.04.2016).
2. Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. ст., сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
3. Митчелл Дж. Травма, признание и место языка // Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.